

Р. Э. Бараш

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ «СОВЕТСКОЙ» НОСТАЛЬГИИ И ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН О СОВЕТСКОМ ПЕРИОДЕ

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523

Бараш Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: raisabarash@gmail.com

Аннотация. Обращаясь к результатам мониторинговых социологических опросов, автор размышляет о динамике мировоззренческих установок россиян в отношении различных аспектов советского прошлого. Соглашаясь с тезисом части исследователей о том, что реставрация атрибутов советского прошлого в российской повседневности — результат последовательной политики властей, автор пытается определить причины того, почему сегодня, когда выросло несколько поколений россиян, не связанных с советской эпохой личными воспоминаниями, популярность советского прошлого становится все сильнее, в том числе и среди молодых граждан.

Теоретической рамкой определения причин советской ностальгии является концепция гибридной «постпамяти» Марианны Хирш. В то же время подчёркивается, что применительно к российской действительности постпамять «работает» для мемориализации не столько трагических, сколько эмоционально нагруженных событий прошлого. Кроме того, в отличие от «классической интерпретации» постпамяти М. Хирш, главным генератором которой является семья, постсоветская ностальгия в значительной степени поддерживается бюрократией и государственными медиа.

Обратной стороной отсутствия критической оценки советского периода становится «беспамятство» многих россиян о преступлениях сталинизма. Постпамять немногочисленных потомков выживших жертв репрессий растворяется в постпамяти тех, чьи семьи не столкнулись с трагическими событиями.

Ключевые слова: идентичность; память; постпамять; Марианна Хирш; постсоветская ностальгия.

Постановка проблемы

С каждым годом советский период всё более отдаляется, обрастая и мифами, и упрощёнными интерпретациями. При этом атрибуты советского прошлого прочно укоренены в российском настоящем: начиная от советского гимна

и популярных общенациональных праздников советского периода и заканчивая обилием советских брендов на рынке потребительских товаров (шоколад «Алёнка», «Советское шампанское», мороженое «48 копеек» [Ариф, 2014]) и интенсивной популяризацией российской киноиндустрией не только героического военного прошлого СССР («Брестская крепость», «Сталинград», «Служу Советскому Союзу», «Битва за Севастополь») и достижений советского человека («Легенда 17», «Гагарин. Первый в Космосе», «Космос как предчувствие»), но и советской повседневности («Стиляги», «Фурцева», «Дети Арбата», «Галина»). Не случайно талисманом российской команды на Олимпийских играх 2006, 2008 и 2010 гг. стал Чебурашка. Российская повседневность буквально наполнена советскими реминисценциями, «символами, знаками и значениями “советского”, как действительно производимыми во времена СССР и претендующими на сохранность традиций, так и современными продуктами, стилизованными под “совок”» [Кусимова, Шмидт, 2016].

Многие исследователи сходятся во мнении, что реставрация атрибутов советского прошлого в российской повседневности происходит в рамках последовательной политики властей. Попытки руководства страны «реструктуризировать советскую систему» [Гудков, 2010: 18], как пишет И. Калинин, либеральная академическая общественность и часть политической оппозиции традиционно связывают с наследованием механизмов государственного управления, экономического контроля, подавления социальной и институциональной дифференциации. И в своём стремлении популяризировать советское власть намеренно избегает обсуждения тех его аспектов, которые могут расколоть российское общество. Будучи лишённым острой составляющей, советское прошлое превращается из особого идеологического, политического и социального опыта, требующего вдумчивой критической оценки, в органическую часть российской государственности и национальной традиции. Деидеологизированное советское «перестаёт быть моментом актуального идеологического выбора, приводящего к политическому размежеванию, и становится основой для общественного консенсуса, переваривающего любые различия и преодолевающего любые разрывы» [Калинин, 2010].

Примером намеренного упрощения и нарочитой героизации властью советского прошлого с целью символической легитимации режима была, к примеру, критика министром культуры РФ В. Мединским в декабре 2016 г. экспозиции «Ельцин-центра», в одном из видеороликов которого утверждалось, что с 1964 по 1985 гг. Россия находилась в «трясине застоя». Признавая, что советская система отличалась «рядом гигантских проблем», В. Мединский призывал гордиться таким наследием СССР, как «Леонов, “Союз – Аполлон”, разрядка, Саяно-Шушенская ГЭС, БАМ, Товстоногов, Большой, “советская зона влияния” на половину земного шара, абсолютное мировое лидерство в спорте, расцвет литературы и киноискусства» [Мединский, 2016].

Заявление министра культуры соответствует логике восприятия советского наследия массовым российским сознанием, сопротивляющимся любой попытке пересмотреть устоявшуюся интерпретацию советского периода как «золотой эпохи». Так, в январе 2014 г. телеканал «Дождь» подвергся общественному порицанию после негативной реакции общественности на опрос о необходимости оставить в 1941 г. Ленинград немецким захватчикам в целях сохранения жизни людей. Более 1800 человек подписали петицию с требованием закрыть «Дождь», аргументировав это тем, что представители телеканала не уважают «победы и подвиги наших предков», а сам канал «по сути является прозападным пропагандистским ресурсом, ориентированным на развал страны».

О том, что, по словам Ю. Пивоварова, «главной характеристикой современной России является её советскость» [Пивоваров, 2014], свидетельствуют и результаты массовых социологических опросов. По данным исследования Института социологии РАН¹, в 2016 г. большинство граждан в качестве поводов для исторической гордости называли победу советского народа в войне (76%) и послевоенное восстановление страны (59%) [Российское общество..., 2016]. Тогда как события недавнего прошлого, в том числе и знаменующие собой период «новой суверенной России» – гласность и перестройка периода М. Горбачёва и переход России к рыночной экономике при Б. Ельцине, вызывают гордость лишь у 2 и 1,5% опрошенных соответственно. Период «советской стабильности», эпоха развитого социализма 1970–1990 гг., представляется наилучшим в российской истории для трети респондентов (32%) (столь же популярен лишь период 2000-х гг.). Периоды перестройки 1980-х и 1990-х гг. симпатичны лишь 2–3% респондентов [Российское общество..., 2016]. Только каждый десятый гражданин (11%), несмотря на широкую доступность информации о советском периоде, критически оценивает советский период в российской истории, соглашаясь с тем, что «советская власть, несмотря на отдельные достижения, завела страну в тупик»².

Россияне не только не склонны к критической ревизии советского прошлого, но, напротив, определённо симпатизируют советскому периоду. В марте 2016 г., по данным ВЦИОМ, 64% опрошенных россиян заявляли о готовности проголосовать на гипотетическом референдуме

¹ В июле 2017 г. вошёл в состав Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

² Результаты исследования ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2017 г. Данные шестой волны исследования.

за сохранение СССР (в 1991 г. в РСФСР сохранение Союза поддержали 71% граждан, в СССР в целом – 76%). И хотя идею сохранения (т. е. фактически восстановления) Союза поддержали в первую очередь россияне пенсионного возраста (76% среди людей старше 60 лет), почти половина опрошенных молодых людей (47%) в возрасте 18–24 лет, то есть родившиеся после распада СССР, также довольно положительно оценивали перспективу «возврата к советскому» [СССР: сказка..., 2016] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Если бы референдум о сохранении СССР состоялся сегодня, то как бы Вы ответили на следующий вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?», закрытый вопрос, один ответ, %

Варианты ответов	Все опрошенные	Возраст, лет				
		18–24	25–34	35–44	45–59	Старше 60
Да	64	47	51	65	70	76
Нет	20	24	25	20	19	13
Затрудняюсь ответить	16	29	24	15	12	11

В ноябре 2016 г., по данным ВЦИОМ, 63% опрошенных россиян выразили сожаление в связи с прекращением существования СССР. За 10 лет доля сожалеющих о распаде сократилась незначительно, на 5% (с 68% в 2006 г.). Одновременно на 10% выросла доля респондентов, уверенных в том, что распада СССР можно было избежать (с 47% в 2006 г. до 57% в 2016 г.) [Back in the..., 2016]. Предсказуемо ностальгия по советскому прошлому характерна в первую очередь для респондентов пенсионного возраста (85% среди опрошенных старше 60 лет) [Общественное мнение..., 2016]. При этом в сожалении о распаде Советского Союза признались более четверти опрошенных молодых людей в возрасте 18–24 лет, то есть россияне, родившиеся после 1991 г., никогда в Союзе не жившие, не ощутившие специфики идейно-политического устройства советского общества, особенностей советского быта, заставшие разве что отдельные отголоски перестройки (см. таблицу 2).

Таблица 2

Вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы лично сожалеете или не сожалеете, что Советский Союз распался?», закрытый вопрос, один ответ, %

Варианты ответов	Все опрошенные	Возраст, лет				
		18–24	25–34	35–44	45–59	Старше 60
Сожалею	63	27	42	64	74	85
Не сожалею	23	39	30	23	21	11
Затрудняюсь ответить	14	33	28	13	5	4

По данным опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, в 2017 г. почти половина россиян (46%) признались в том, что они в той или иной степени отрицательно относятся к переходу к рыночной экономике в 1991 г. (скорее отрицательно – 26%, безусловно отрицательно – 20%)¹. Симпатизируют современные россияне и внешнеполитическому статусу Советского Союза, каждый третий россиянин желал бы для России восстановления в той или иной степени международного авторитета СССР: 26% респондентов хотели бы вернуть России статус супердержавы, который был у СССР; ещё 9% отметили, что хотели бы видеть Россию лидером на постсоветском пространстве [Российское общество..., 2015].

Постпамять о советском

Советская тематика прочно вошла не только в обыденную жизнь и массовое сознание современной России, но и в общественно-политический дискурс. В постсоветский период появилось немало исследований, посвящённых изучению причин «живучести» советской ностальгии.

И, как свидетельствуют многочисленные исследования, причины симпатии многих граждан к советскому периоду не просто многообразны, они, как справедливо отмечает Б. Кагарлицкий, противоречивы: одни сожалеют об утраченном равенстве, а другие переживают из-за ослабления дисциплины и из-за того, что низы уже не так уважают начальство, как прежде. Одни страдают по поводу реальной, а не вымышленной дружбы между людьми и народами, а другим не даёт покоя утраченная «имперскость». Одни с грустью вспоминают духовную свободу советской интеллигенции, другие страдают из-за отмены цензуры. Со своей стороны, власть и правящий класс реагируют на охватившую общество ностальгию и с готовностью используют те или иные элементы советского культурного багажа и советских институтов для решения уже новых задач [Кагарлицкий, 2012: 8–16].

Интересно другое: сегодня, когда выросло несколько поколений россиян, фактически не связанных с советской эпохой личными воспоминаниями, а в условиях информационной открытости любой

¹ Результаты исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2017 г. Данные шестой волны исследования.

желающий может получить полную информацию о самых противоречивых периодах советской истории [Антоновский, 2005], популярность советского прошлого не только не затухает, но, напротив, становится всё сильнее, в том числе и среди молодых граждан. Более того, как пишет Р. Абрамов, ностальгия по советскому появилась не сразу после распада СССР, но спустя десятилетие после 1991 г., став по-настоящему массовым феноменом [Абрамов, 2013].

Пытаясь ответить на вопрос о причинах ностальгии по советскому среди молодых россиян, И. Глушенко приводит результаты дискуссии «на тему советского» с молодыми исследователями советской эстетики (студентами Высшей школы экономики). Анализируя суждения молодёжи, автор резюмирует, что «советское» заполняет собой вакуум... потому что новая эпоха не создала ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений» [Глушенко, 2011]. Базовое основание советского мифа – поиск оснований коллективной идентичности и самобытности, когда «“советское”... становится... якорем, за который держатся [респонденты], чтобы сохранить более или менее прочное представление о своей идентичности». Это с одной стороны. А с другой, как пишет И. Глушенко, советское прошлое, в отличие от «разобщённого» российского настоящего, предъявляет не только идеализированные примеры «коллективной сплочённости», но и достойные коллективные цели.

О тех же причинах молодёжной «ностальгии по советскому» пишет Л. Гудков, отмечая, что с распадом единой советской пропагандистской системы поколения, родившиеся в последние годы застоя, в начале перестройки и после распада СССР, оказались лишёнными механизмов репродукции коллективной памяти. И при отсутствии единой «матрицы памяти» постсоветская молодёжь легко впитывает «множество отдельных сведений и символов, стереотипов, шаблонов истолкования» советского. Как резюмирует Л. Гудков, память молодых о советском представляет собой «россыпь отдельных событий и интерпретаций, мифов и стереотипов прошлого без какой-либо связной их интерпретации и изложения» [Гудков, 2010: 32]. Передаваясь из поколения в поколение, коллективная память становилась всё более аморфной и мифологизированной, что заметно уменьшает вероятность её критической ревизии и, напротив, упрощает тиражирование популистской интерпретации.

Ёмкие тезисы о причинах «советской» ностальгии можно вписать в теоретические рамки концепции гибридной постпамяти Марианны Хирш. Согласно идеям М. Хирш, многие из тех, чьи предки были очевидцами трагических событий, являются носителями гибридной постпамяти (сама М. Хирш выстраивает свою теоретическую концепцию на основании изучения специфики восприятия Холокоста потомками его жертв). Постпамять характерна для представителей поколений, родившихся и живущих уже после травмирующих событий, но формирующих, как и представители поколения очевидцев, своё самоощущение вокруг знакового исторического события. Более того, гибридная постпамять не

заканчивается на одном поколении, пришедшем после очевидцев, но передаётся и последующим поколениям социальной группы, эмоционально окрашивая и центрируя идентичность группы. М. Хирш подчёркивает, что особенностью постпамяти является её активное участие в настоящем как через оживление давних мемориальных конструкций и последующее их включение в семейные воспоминания, так и посредством глубокого внедрения воспоминания о событии в коллективную память и в повседневную жизнь социальной группы. Постпамять обеспечивает глубокую эмоциональную связь настоящего и прошлого; регулярно «творит» прошлое через активную тематизацию знаковых событий. Коллективными авторами постпамяти в общем смысле становятся не только прямые потомки очевидцев, но и рядовые представители социальной группы, носители некоторой социальной мифологии (в случае, если речь идёт о гражданах конкретного государства, гражданской идентичности), а также интеллигенция или государственные чиновники, самым активным образом выступающие как создатели постпамяти.

Категория постпамять в классической интерпретации привязана к трагическим воспоминаниям потомков жертв Холокоста. Трактовка советского прошлого в современном официальном российском дискурсе также может быть интерпретирована в рамках парадигмы постпамяти. С поправкой на то, что, во-первых, постпамять в случае тематизации советского прошлого, служит мемориализации не столько трагических, сколько в целом эмоционально нагруженных событий прошлого. Кроме того, М. Хирш писала о том, что в классической интерпретации категории постпамяти главным её генератором является семья (вернее, семьи очевидцев Холокоста). Тогда как постсоветская ностальгия в значительной степени поддерживается бюрократией и государственными медиа, апеллирующими к семейной памяти россиян о войне.

Память о советском как память о Победе

Примерами подобной поддержки постпамяти сверху являются созданные к 70-й годовщине Победы интернет-ресурсы «Подвиг Народа» и «Память Народа». Эти интернет-ресурсы не только увековечивают память об участниках Великой Отечественной войны, но и максимально соединяют память семейную и память общегосударственную: каждый интересующийся может уточнить воинское

звание, награды и знаки отличия, место службы, участие в боевых действиях членов своей семьи, узнать о непосредственном вкладе своей семьи в общее дело Победы. В рамки политики поддержки постпамяти о войне укладывается и географическое расширение советской концепции памяти о войне: в 2006 г. к советским городам-героям были добавлены 40 городов воинской славы, и в область советской памяти было включено ещё большее число россиян.

Наиболее знаковым проектом постпамятной коммеморации советского военного прошлого стал «Бессмертный полк», выросший к 2015 г. из региональной инициативы в общегражданский проект. Шествие потомков ветеранов с портретами участников боевых действий символизирует как преемственность прошлого и настоящего, так и олицетворяет прямое участие нескольких поколений многих российских семей в истории страны. Акция стала механизмом общегражданской мобилизации, но одновременно использовалась руководством страны для демонстрации ценностного и исторического единства российской бюрократии и народа: в шествии в 2015 г. участвовали многие представители власти, в том числе и президент В. Путин.

С каждым годом акция всё более приобретает черты официального и в чём-то политтехнологического мероприятия, но большинство граждан (75%) всё равно считают «Бессмертный полк» в первую очередь данью памяти ветеранам. По данным ВЦИОМ, в 2015 г. респонденты называли акцию «посвящением памяти погибших родственников на войне», которая проводится «для того, чтобы помнили о Великой Отечественной войне», воплощает «память и уважение ветеранам войны» и необходима, «чтобы мы хранили в памяти наших героев». А вот гражданам, не одобряющим деятельность действующей власти и, соответственно, любые её начинания, свойственен скепсис и в отношении «Бессмертного полка». Среди критиков деятельности президента заметно ниже (на 20%) доля уверенных в истинном мемориальном смысле акции (53% против 73% среди всех респондентов), но выше доля уверенных в «политтехнологической» изнанке акции: 7% против 4% среди всех опрошенных полагали, что организаторы используют акцию для поднятия уровня патриотизма, 5% — для отвлечения народа от проблем, 13% — для иных косвенных целей («пропаганды власти», «чтобы списать деньги» и т. д.) [«Бессмертный полк»..., 2016] (см. таблицу 3).

Несмотря на долю скепсиса критиков власти, отношение российского общества к акции «Бессмертный полк», как и отношение к Дню Победы, однозначно положительное. Для подавляющего большинства граждан (90%) 9 мая остаётся всеобщим праздником [«День Победы»..., 2014]. Что не удивительно, поскольку День Победы не только символизирует великое прошлое, воплощает настоящий запрос на коллективную солидарность, но и масштабно поддерживается в официальном медийном дискурсе.

Таблица 3

Вопрос: «По Вашему мнению, зачем проводится акция “Бессмертный полк”»?
открытый вопрос, любое число ответов, %

Цели акции «Бессмертный полк»	В целом Вы одобряете деятельность Президента России?		
	Все опрошенные	Одобрят	Не одобряют
Память («акция посвящена памяти погибших родственников на войне», «для того чтобы помнили о Великой Отечественной войне», «память и уважение ветеранам войны», «чтобы мы хранили в памяти наших героев»)	73	75	53
Воспитание молодёжи («в качестве воспитания подрастающего поколения», «молодое поколение должно знать о погибших в войне», «чтобы наши дети знали историю России»)	5	6	5
День уважения («благодарность за победу», «воздание чести победителям», «день уважения воинам-победителям», «честь и слава нашим воинам»)	4	4	3
Для поднятия уровня патриотизма («воспитание патриотизма», «для укрепления патриотизма», «поднять патриотические чувства», «это патриотическое движение»)	4	4	7
Для единения людей («для объединения народа», «для сплочённости народа», «чтобы консолидировать общество», «это объединяет людей»)	2	2	1
Для ветеранов («ветеранам приятно», «поддержка ветеранов», «ради ветеранов»)	1	1	0
Чтобы не было войны («показать всему миру, что война – это плохо», «чтобы не было войны, учились на ошибках», «чтобы не допустить войн», «чтобы этого больше не произошло»)	1	1	0
Отвлечение народа от проблем («отвлечь народ от проблем», «отвлечь народ от эконом. проблем и заставить любить Путина», «создаём культ, отвлекаем от экономических проблем», «чтобы запудрить мозги народу»)	0	0	5
Другое («пропаганда власти», «в честь 70-летия Победы», «найти родственников», «чтобы списать деньги»)	4	3	13
Затрудняюсь ответить	12	11	19

Обратная сторона «советского мифа»

Память о советской социальной солидарности и мощной стране российское руководство пытается перенять очень осторожно, предпочитая избегать острых дискуссий о «неудобных» моментах не столько советского, сколько коммуни-

стического наследия. Российская власть пока не стремится поднимать вопрос критической ревизии советской истории. В мае 2014 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен новой статьёй 354.1 «Реабилитация нацизма», предполагающей уголовное наказание вплоть до лишения свободы за распространение ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны. Широкие возможности интерпретации категории «фальсификация истории» в отношении советской политики военного времени ограничивают возможность критических дебатов, в том числе и о сталинском периоде.

С одной стороны, нельзя сказать, что российская власть откровенно мифологизирует фигуру И. Сталина. Всё же участие президента В. В. Путина 30 октября 2017 г. в открытии в центре Москвы «Стены скорби» — памятника жертвам политических репрессий — свидетельствует о готовности власти признавать, что в определённой степени советское прошлое страны было и «трагическим периодом нашей истории, когда жестоким преследованиям подвергались целые сословия, целые народы» [Открытие мемориала., 2017].

С другой стороны, позиция российского руководства далека от европейской традиции уравнивания преступлений нацизма и коммунизма. Так, в апреле 2015 г. в рамках «Прямой линии» В. Путин озвучил тезис о невозможности «ставить на одну доску нацизм и сталинизм», поскольку нацисты уничтожали целые этносы, тогда как «при всём уродстве сталинского режима, при всех репрессиях» подобного не было [Прямая линия., 2015].

Обратной стороной дефицита критической ревизии советского периода в совокупности с масштабной медийной мифологизацией памяти о военном периоде, запросом граждан на статус мирового лидера и порядок в стране становится рост интереса граждан к далеко не самым «однозначным» советским деятелям. Несмотря на предельную открытость информации о сталинском периоде, в январе 2017 г., по данным «Левада-центра», исторического максимума за 16 лет достигла доля россиян, относящихся к фигуре И. Сталина в той или иной степени положительно (с «восхищением», «уважением» и «симпатией»). Почти половина респондентов (46%) признались в положительных чувствах к Сталину. Годом ранее, в марте 2016 г., сумма положительных оценок составила 37%. Правда, за год увеличилось и число критиков Сталина, заявивших о том, что они относятся к нему с «неприятностью», «страхом», «отвращением», «ненавистью» (21% против 17% в 2016 г.). Но сократилось и число россиян, безразличных к фигуре Сталина (с 32% в 2016 г. до 22% в 2017 г.).

Пытаясь объяснить рост интереса граждан к фигуре Сталина в последние годы, О. Будницкий говорит о том, что она вызывает интерес не сама по себе, а будучи связанной в первую очередь с колоссальным интересом россиян к памяти о Второй мировой — Великой Отечественной войне, ставшей «точкой опоры, национальной скрепой» [«Пятый этаж»., 2017]. Не случайно в 2015 г. в ознаменование 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в нескольких российских городах были открыты памятники Сталину (в Липецке, Владимире, городах Краснодарского и Ставропольского краёв, в Тверской

области, Республике Марий Эл). В 2017 г. памятники Сталину были установлены в Архангельской и Ростовской областях. В июне 2017 г. в Московской государственной юридической академии была установлена табличка, свидетельствующая о выступлении в одной из аудиторий вуза И. Сталина. Руководство вуза объясняло реставрацию памятного знака необходимостью выполнять постановление Совета министров РСФСР 1960 г., предписывавшее охрану зала, где выступал И. Сталин, в качестве памятника культуры местного значения. Кстати, судя по результатам опроса ВЦИОМ, большинство россиян (62%) поддерживают подобные инициативы по увековечиванию фигуры Сталина. Ещё больше тех (65%), кто выступает и против установки знаков, сообщающих о неудачах и преступлениях советского лидера [Память о Сталине.., 2017].

Интерес к фигуре Сталина, действительно, предсказуемо растёт в контексте постоянного обращения власти и официозных СМИ к памяти о Победе. А вот иные события эпохи практически не становятся объектом широкой общественной дискуссии и оценки. Особенно это заметно на примере отношения россиян к сталинским репрессиям. Хотя под влиянием постоянной героизации военного времени растёт интерес и к фигуре лидера страны той эпохи, за последние несколько лет выросла доля россиян, которые практически ничего не знают о сталинских репрессиях (с 12% в 2012 г. до 20% в 2017 г.) [Сталинские репрессии, 2017]. При этом доля респондентов, обладающих детальной (13%) или общей (44%) информацией о причинах, масштабах и участниках тех событий, за десять лет (с 2007 по 2017 гг.) не изменилась [Фигура Сталина, 2016]. Одновременно сократилась доля россиян, считающих сталинские репрессии политическим преступлением, которому не может быть оправдания (с 72% в 2007 г. до 39% в 2017 г.). Значительно (с 9 до 26%) выросло число тех, кто готов оправдать сталинские репрессии политической и исторической необходимостью [Сталинские репрессии, 2017]. Каждый десятый (13%) ничего не знает о репрессиях (см. таблицу 4).

Таблица 4

Вопрос: «С каким из следующих мнений по поводу этих репрессий¹ Вы бы скорее согласились?», закрытый вопрос, один ответ, %

Варианты ответов	2007, август	2011, апрель	2012, август	2012, ноябрь	2016, март	2017, апрель
Это была политическая необходимость, они исторически оправданны	9	14	13	22	26	25
Это было политическое преступление, и ему не может быть оправдания	72	70	67	51	45	39
Я ничего не знаю об этих репрессиях	–	–	–	6	7	13
Затруднились ответить	19	17	20	13	15	16
Отказались отвечать	–	–	–	8	7	7

¹ До 2017 г. вопрос в исследованиях Левада-Центра задавался в формулировке «репрессий в 1937–1938 годах».

С 2000 г. на 17% (с 58 до 41%) сократилось и число граждан, уверенных, что массовые репрессии были направлены против всех советских граждан. И хотя большинство опрошенных всё же придерживаются точки зрения, что сталинские репрессии были трагическим периодом истории страны и самим своим фактом причинили вред всему населению СССР, за последние 17 лет заметно более популярной среди россиян стала трактовка причин репрессий как формы партийных «чисток», касавшихся в основном политических верхов (в 2017 г. такой позиции придерживались 20% опрошенных против 14% в 2000 г.). В «политическую» версию репрессий верят и многие респонденты ВЦИОМ: 66% опрошенных уверены в том, что гонения были обусловлены теми или иными политическими взглядами репрессированных и могли быть направлены, к примеру, против противников Сталина (31%), противников советской власти (19%), противников СССР (8%) и даже сторонников Сталина (8%) [Политические преследования..., 2017]. Версию о том, что в жернова сталинских гонений попали невинные люди, поддерживает меньшее число (55%) опрошенных. Кроме того, многие респонденты (43%), слышавшие о репрессиях, согласны, что репрессии были необходимы для того, чтобы сохранить порядок в стране. И этот показатель не намного меньше (43 против 49%) доли тех, кто категорически осуждает репрессии.

Однако было бы ошибкой приписывать россиянам обширные симпатии сталинизму. Всё же всего лишь 4% опрошенных россиян хотели бы жить в сталинскую эпоху [Российское общество..., 2015]. Во всяком случае, не совсем справедливым кажется тезис К. Эггерта о моральной катастрофе «постсоветского человека», который «оказался неспособен оценить чудовищные преступления и ложь советского строя» [Эггерт, 2017].

Отчасти здесь прав Н. Петров: отсутствие резко критического отношения многих граждан к сталинскому периоду — в «беспамятстве» молодого поколения россиян, «не осознающих себя частью истории» [Мухаметшина, 2017]. И это неудивительно: по данным Института социологии РАН, почти половина опрошенных в 2017 г. россиян (48%) ничего не знают о последствиях сталинского террора для их семей¹. Лишь 24% россиян заявляют о том, что их семья пострадала от гонений (раскулачивания, террора 1930–1940-х гг.). Те же данные приводят и крупнейшие социологические центры: по данным ВЦИОМ, память о репрессиях хранят семьи лишь четверти (24%) россиян, причём лишь 9% респондентов хорошо знают о судьбе репрессированных предков. А в семьях подавляющего большинства сегодняшних россиян (71%) никто не подвергался репрессиям [Сталинские репрессии, преступление..., 2017]. Левада-Центр приводит схожие данные о том, что не более 23% опрошенных помнят (или говорят в ситуации социологического опроса), что в их семье был кто-то, ставший жертвой репрессий накануне или после Великой Отечественной войны или в годы раскулачивания и коллективизации [Гудков, 2017].

¹ Результаты исследования Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2017 г. Данные седьмой волны исследования.

Иными словами, «беспамятство» большинства россиян о политических репрессиях не является злонамеренным отрицанием. Несмотря на трагизм конца 1930-х гг., постпамять немногочисленных потомков выживших жертв репрессий растворяется в памяти тех, чьи семьи не столкнулись с теми событиями, в отличие от постпамяти о войне и Победе. Как справедливо отмечает О. Будницкий, популярность советского прошлого связана ещё и с тем, что в сталинскую эпоху значительное количество людей поднялось по социальной лестнице, перейдя к более высоким жизненным стандартам и позициям в обществе. И потомки этих людей, которым рассказывали, как это было хорошо, не слишком хотят верить во всё остальное [«Пятый этаж».., 2017].

Не случайно, рассуждая о специфике устройства исторической памяти в современной России, Г. Юдин и Д. Хлевнюк упоминают две акции – «Бессмертный 7полк» и «Последний адрес» [Юдин, Хлевнюк, 2017]. Ссылаясь на результаты опроса «актеров исторической памяти», профессионально занимающихся формированием исторического знания в России (учителей, историков, активистов исторических движений, музейщиков и т. д.), Г. Юдин и Д. Хлевнюк пишут, что отношение граждан к государственной версии исторической памяти в значительной степени определяется их памятью об уникальной судьбе человека того или иного периода. Подобная «память о человеке» проявляется в спонтанно возникающих попытках увековечить память о человеке эпохи, например, в рамках проектов «Бессмертный полк» или «Последний адрес». И на примере двух этих акций хорошо видно, насколько разную память о человеке советской эпохи хранят наши современники. Если «Бессмертный полк», опираясь на память многочисленных семей победителей и усилия государственных бюрократии и медиа, год от года только расширяет масштабы коммеморации военного периода, то память о судьбе человека конца 1930-х гг. хранят немногочисленные носители семейной постпамяти и энтузиасты «Последнего адреса».

Впрочем, современные россияне вообще не отличаются хорошей исторической памятью о ключевых событиях прошлого, за исключением памяти о Победе. В год столетия Октябрьской революции большинство опрошенных граждан (40%) затруднились ответить на вопрос, выиграли ли от прихода к власти большевиков представители их семьи или нет. Меньше всего информации о влиянии Октябрьского переворота на жизнь семьи у молодых россиян в возрасте 18–30 лет (57%). О том, что их предки скорее выиграли от революции, заявили чуть менее трети (31%) опрошенных. Ещё 19% указали на то, что представители их семьи от Октябрьской революции скорее не выиграли.

Более половины (52%) опрошенных россиян указали, что они ничего не знают о том, что кто-то из их родственников получил выгоду от революционных событий 1917 г., ещё 26% отметили, что выгоды от революции их предки не получили. Лишь 21% респондентов признались, что их семья «выиграла» от революционных и последующих событий. Треть опрошенных (32%) затруднились оценить влияние октябрьских событий на историю страны, а 29% респондентов согласились с тем, что для страны переворот 1917 г. принес пользы и вреда примерно в равной степени.

Советское как синоним антизападного: продолжение традиции

«Память о Победе» используется властью для легитимации не только внутренней мобилизации под лозунгами «противостояния противнику», но и для социально-политической «вертикализации» общества. Как отмечал Л. Гудков более 10 лет назад, священные для российского общества воспоминания о войне и её жертвах используются российской властью для легитимации принципа «вертикального» построения общества, воплощения мобилизационной командно-иерархической модели социального заказа, которая не признаёт автономию и самоценность личной жизни [Гудков, 2005].

В ситуации витка изоляционизма власть обращается к мифологеме «Победа» не только как к «гарантированно работающему» примеру солидарности в социально и идейно неоднородной среде российского общества, но и для внутренней мобилизации против внешнеполитических противников. Несмотря на то, что западные посткрымские санкции и российские контрсанкции лишили Россию иностранных товаров и услуг, а падение курса рубля привело к заметному ухудшению социально-экономического положения граждан, взрыва социального недовольства не последовало, «партия холодильника» так и не одержала победы над «партией телевизора». Этому активно способствовала и политика российских властей, последовательно изображавших наследников советских руководителей, которые, несмотря на свои многочисленные недостатки, не только являлись искренними патриотами, действовавшими на благо родины, но и мужественно разделяли все тяготы рядовых граждан. Так, через год после присоединения Крыма и развёрнутых Западом санкций, 18 марта 2015 г. В. Путин заявил: «Мы будем преодолевать и преодолеем все проблемы и трудности, которые нам пытаются вбросить извне... Мы пойдём вперёд, мы будем укреплять нашу государственность, укреплять нашу страну. Мы будем преодолевать трудности, которые мы с вами так легко создаём сами для себя в течение всего последнего времени» [Концерт., 2015].

Апелляция российской власти и СМИ к внешнеполитической парадигме «осаждённой крепости» оказалась стратегически успешной. В реальности западных санкций массовое сознание россиян быстро переняло антизападные идеи. В конце 2016 г., по данным ИС РАН, большинство опрошенных (72%) верили, что Западная Европа заинтересована только в использовании природных богатств России (нефть и газ), и лишь чуть более четверти (28%) были уверены, что Западная Европа заинтересована в экономической кооперации с Россией [Российское общество..., 2017]. В 2014 г. 58% опрошенных верили, что США и Россия вернулись к состоянию холодной войны [Российское общество..., 2015].

В 2016 г. большинство россиян (60%) согласились с точкой зрения, что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой особенную евразийскую цивилизацию, будущий центр политики которой будет смещаться на Восток [Российское общество..., 2017]. И хотя за два года (по сравнению с октябрём 2014 г., когда россияне только «присматривались» к западным санкциям, искренне надеясь к ним приспособиться) доля респондентов, согласных с обратной точкой зрения, что Россия является частью Европы, несколько возросла (с 36 до 40%), симпатии российского общества по-прежнему на стороне изоляционистской парадигмы.

В марте 2015 г., согласно данным ИС РАН, 67% опрошенных граждан России были уверены, что основные угрозы для российского государства исходят из-за рубежа [Российское общество..., 2015]. Только 18% считали значимыми угрозы государственности внутри страны. За четыре года до этого, в течение периода президентства Д. Медведева, пропорция была иной: большинство опрошенных россиян (63%) были уверены, что основные угрозы государству исходят от внутренних проблем, тогда как внешние угрозы казались более значимыми 37% граждан. За несколько лет изоляции и медийной истерии воображаемые зарубежные враги, чья агрессия и угроза в значительной степени были «продуктом» СМИ, превратились в реальность массового сознания, обойдя значимостью такие не просто реальные, но болезненные проблемы, как низкий уровень жизни, терроризм и экстремизм.

Однако видеть причину резкого роста антизападных симпатий только в соответствующей политике СМИ не совсем правильно. Учитывая долговременный внешнеполитический изоляционизм СССР, скорее нетипичной кажется постперестроечная «перезагрузка» в отношениях России и Запада.

Непродолжительный период «потепления» отношений с Западом и попыток критического пересмотра советского в 1990-е гг. с началом первого президентского срока В. Путина сменился сочетанием идей

социальной солидарности и суверенной демократии. 2000-е гг. прошли под лозунгами идей социального государства как ориентированного на возрождение лучших советских социальных практик и концепции суверенной демократии как противостоящей западной либеральной традиции. При этом, однако, официальный дискурс был далёк от резкого антизападнического изоляционизма. И хотя ещё в 2007 г. В. Путин обвинил тех, кто ««шакалит» у иностранных посольств», в том, что они рассчитывают на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа, лишь в 2010-х гг., когда стремление к безвизовому режиму с ЕС осталось нереализованным, а США вместо «перезагрузки» российско-американских отношений поддержали российскую оппозицию и проевропейских политиков СНГ, очевидным стало, что равноправного сотрудничества России и Запада в ближайшем будущем не будет. Не случайно в «протестные» 2011–2013 гг. участники «Болотного движения» неоднократно осуждались официальными российскими медиа за получение западного финансирования, а целый ряд организаций гражданского общества был закрыт в рамках борьбы против иностранных агентов.

Резкое ухудшение отношений России с Западом произошло в 2014 г., накануне Олимпийских игр в Сочи, когда президент США и некоторые европейские лидеры отказались посетить Россию в знак протеста против ущемления прав сексуальных меньшинств. Окончательный же разрыв добрососедских отношений между Россией и Западом произошёл после событий на Украине в 2014 г., которые были восприняты Москвой как вторжение Запада в сферу традиционных российских геополитических интересов. И буквально сразу после присоединения Крыма, в «Крымской речи» (послании к Федеральному Собранию) 18 марта 2014 г. В. Путин предостерег западных политиков от вмешательства во внутренние дела России, в т.ч. посредством действий пятой колонны – разного рода «национал-предателей» [Путин, 2014а].

Почти годом позже, 4 декабря 2014 г., В. Путин в очередном Послании Президента Федеральному Собранию [Путин, 2014б] уже прямо обозначил противостояние России и США, указав на постоянные прямые и косвенные попытки американцев из-за кулис влиять на отношения России с соседями. Соглашение об ассоциации Украины с ЕС, по словам президента, стало следствием работы американских покровителей и спонсоров, а ситуация с Крымом и конфликт на Украине были лишь предлогом для реализации Западом политики сдерживания России. Президент отметил также, что несколько лет назад политика сдерживания реализовывалась через поддержку «повстанцев» в Чечне на самом высоком правительственном уровне.

Антизападные настроения россиян в немалой степени вытекают и из советской традиции позиционировать СССР как центр передового мира, который противостоит хранилищу чуждых ценностей богатства, эксплуатации, расового неравенства и т. д. в лице США. Как писал Л. Гудков, фигура врага является одним из ключевых факторов российской самобытности [Гудков, 2005: 43]. На про-

тяжении десятилетий российская государственная и цивилизационная самобытность выстраивалась через противопоставление западному (как вариант – капиталистическому) врагу. Во многом «посткрымское» определение исторического «врага» в категориях антизападного дискурса произошло довольно быстро потому, что практически не требовало серьёзных усилий по историческому и политологическому обоснованию цивилизационной конфронтации с Западом.

В этом смысле справедливыми кажутся слова Н. Копосова, что современная политика памяти в России в значительной степени связана с внешней политикой [Копосов, 2011: 12]. Действительно, большинство ключевых элементов коллективной идентичности, базирующихся на советском прошлом, так или иначе связаны с наследием советской внешней политики. Однако сегодня критическая дискуссия о ключевых событиях советского периода происходит нечасто, поскольку историческая объективность и честность при обсуждении советского наследия нередко ставят под сомнение основные мифы о коллективной советской идентичности. Пытаясь продлить традицию сильной централизованной власти, с одной стороны, а с другой – апеллируя к защите гуманистических ценностей, российские власти сталкиваются с проблемой объективного изображения коммунистического прошлого.

Неотъемлемой частью «мифа победы» является идея о том, что СССР спас Европу (при том, что россияне хорошо знают и о пакте Молотова-Риббентропа, и о вводе советских войск в страны Восточной Европы). Исследуя специфику памяти о войне, Н. Копосов и Д. Хапаева приходят к выводу, что миф о войне неразрывно связан с идеей гуманистической миссии Советской армии в Европе. Основываясь на результатах социологического исследования, проведённого в июле 2007 г. в Санкт-Петербурге, Казани и Ульяновске, Н. Копосов и Д. Хапаева приводят данные, что подавляющее большинство граждан (78%) уверены, что «советские солдаты подарили свободу европейским народам», и 62% отвергают идею о том, что советская армия была виновна в насилии [Копосов, Хапаева, 2007].

Но такая позиция противоречит установке многих европейских государств (особенно восточноевропейских) уравнивать нацистскую и коммунистическую «агрессию» в Восточной Европе. Несоответствие российской и европейской интерпретации советского наследия, в том числе и военного периода, проявилось ещё в 2007 г., когда российское общество всколыхнула волна негодования по поводу переноса памятника «Бронзовый солдат» в Таллине. А после посткрымского перехода страны в режим «осаждённой крепости» стремление российской власти к абсолютизации советского наследия, исключение любых крити-

ческих интерпретаций «тёмных пятен» коммунистического периода привели не столько к внутривнутриполитической консолидации, сколько усугубили внешнеполитическую изоляцию.

Симпатии к советскому как запрос на социальную солидарность

Как неоднократно отмечалось, симпатии россиян к советскому прошлому – в значительной степени производное запроса на коллективную солидарность. Несмотря на попытку критического пересмотра коммунистического наследия и симпатии многих россиян к свободному рынку и политической либерализации периода президентства Б. Ельцина, уже к концу 1990-х гг. среди наших сограждан довольно распространённой стала советская ностальгия. Это была ностальгия не по коммунизму, и даже не постпамять наследников славных победителей, но вполне осознанная память очевидцев «эпохи стабильности» о периоде экономической стабильности, социального порядка и солидарности.

В 2010 г. 31% россиян признавались в ностальгии по «советскому», 18% испытывали гордость, слыша слово «советский», ещё 17% – «одобрение» [«Советский» и..., 2010]. Восприятие советского прошлого через стремление к социальному благополучию находит своё отражение в ассоциативном образе СССР. Для многих россиян СССР – в первую очередь символ комфорта и процветания (хотя сегодня уровень комфортного процветания в СССР заметно преувеличен). А отсутствие социальной справедливости и социального государства в современной России повышает симпатии к советскому обществу ещё больше. Стремление к социальному благополучию отражает ассоциирование слова «советский» со стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне (11%), с великой сильной державой (9%) и СССР (8%), с идеологией и пропагандой коммунизма (7%), с детством и подростковым возрастом респондентов (7%), с ностальгией (6%). В меньшей степени в феврале 2010 г. «советское» ассоциировалось с бесплатной медициной, образованием, дружбой народов (по 4%). Заметно реже респонденты признавались в том, что «советское» вызывает у них негативные ассоциации, такие как застой (3%), дефицит, очереди (3%), репрессии и тоталитаризм (1%).

Ностальгия по советской социальной солидарности проявилась в тенденции музеефикации советского прошлого: в последние годы в России возникли десятки музеев советского прошлого различной тематики. Музеи СССР были открыты в Москве, Новосибирске, Ульяновске, музеи советских игровых автоматов появились в Москве и Санкт-Петербурге, Советский музей наивного искусства был основан в Перми, в Иваново – Музей советского автопрома, музеи социалистического быта были открыты в Москве и Казани, Музей быта советских учёных был создан в Москве. Создание таких музеев было результатом инициативы рядовых граждан и искренней симпатии многих россиян к повседневной жизни в Советском Союзе.

В отличие от антикоммунистических музеев Восточной Европы (Дом террора в Будапеште, Музей КГБ в Праге, музеи оккупаций в Таллине и Риге, музеи советской оккупации в Киеве и Тбилиси), увековечивающих борьбу местного населения за свободу и независимость от коммунистической диктатуры, музеи советского образа жизни в российских городах были практически лишены какого бы то ни было идеологического подтекста. Большинство «советских музеев» в России были посвящены повседневной солидарности и культуре советского общества, поскольку желание возродить социальную солидарность советских времён тоже является одной из значимых причин ностальгии по советскому прошлому.

А вот отношение россиян именно к идеологической – коммунистической – составляющей советского прошлого не такое уж однозначное. На первый взгляд, несмотря на критику коммунистического наследия в 1990-е гг., негативное отношение граждан большинства стран бывшего Восточного блока к послевоенному присутствию советских войск, у россиян нет неприятия категории «коммунистическое». В 2013 г., по данным опроса ФОМ, большинство опрошенных (59%) заявили, что видят в коммунизме больше положительных аспектов. И лишь 18% заявили, что коммунизм – скорее негативное явление. Однако россиян нельзя обвинить в слепом почитании коммунистического прошлого – более трети респондентов (38%) высказались против перспективы подчинить жизнь российского общества принципам коммунизма. Среди молодёжи до 30 лет и вовсе практически каждый второй (46%) отказался от подобной перспективы. Жить согласно принципам коммунизма согласны 43% респондентов, главным образом пенсионеры [Каждому..., 2013]. Всё же мифы о максимально комфортном быте и подобии социального государства составляют одну из важных составляющих «советского мифа», поэтому принцип «коммунистической аскезы» привлекает немногих.

Не случайно важным элементом мифа о благополучном советском прошлом являются представления именно о брежневской стабильности. Ещё в 2004 г. Б. Дубин писал, что привлекательность советской эпохи для многих россиян связана главным образом с эрой Брежнева [Дубин, 2004]. В ноябре 2014 г., по данным аналитического центра Ю. Левады, большинство россиян (50%) согласились с тем, что период брежневской стабильности, или, как её ещё называют, «застоя», был периодом благополучного развития государства. Только 18% заявили, что период «брежневского застоя» привёл к краху СССР [Роль личностей..., 2015]. По данным ИС РАН, в 2015 г. 17% опрошенных россиян заявляли о том, что при возможности выбора они хотели бы жить в СССР в период Л. Брежнева [Российское общество..., 2015].

Особенностью брежневской эпохи, как отмечал Б. Дубин, является то, что она объединяет в себе миф о бытовой стабильности с памятью о войне как времени тяжелейших испытаний (с их кульминационной точкой — победой над коллективным врагом). С одной стороны, в 1965 — 1980-е гг. как раз сложилась символично-семантическая конфигурация «мифа о Победе» как «несущего элемента в коллективном самоопределении советских и постсоветских людей». С другой стороны, период застоя олицетворял собой эпоху мирного времени, решительно смягчившую, если не полностью исключившую, угрожающие «для среднего человека, для его близких значения принудительности и безальтернативности, тотальных репрессий, личной опасности» сталинского периода [Дубин, 2004].

Многие исследователи «советскую ностальгию» объясняют психологическими причинами. Ю. Левада последовательно развивал концепцию *Nomos soveticus* — особой советской ментальности, сформированной необходимостью подчиняться авторитарному контролю правительства, и эту готовность собой воплощающей. Схожую ментальность «нового советского патриота», пассивно передающего решение важных политических вопросов руководству страны, описал и А. Зубов: [Зубов, 2011]. И хотя готовность «советского человека» подчиниться власти была, как это подчёркивал Л. Гудков, производным от массивного влияния на рядовых граждан тоталитарного режима — через воспитание, репрессии, идеологические обработки населения, — даже спустя десятилетия после распада СССР тип «покорной власти» личности, описанный Ю. Левадой, продолжает воспроизводить себя, и многие особенности советской идентичности присутствуют в российском менталитете [Гудков, 2007: 25]. Даже сегодня, спустя почти 30 лет после распада СССР, несмотря на 20 лет постсоветской демократии, многие аспекты российского массового сознания свидетельствуют об укоренённости симпатий к авторитарному стилю управления: в 2014 г., по данным Института социологии РАН, более половины (57%) респондентов поддерживали точку зрения, что России необходима «твёрдая рука», которая наведёт в стране порядок. Тех же, кто считал, что от политических свобод и демократии нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах, было заметно меньше — 42% [Российское общество..., 2015]. Другой вопрос, что, как и номинальная советская покорность, готовность многих россиян подчиниться сильной власти и согласиться с реальностью идейно-политического монополизма — следствие рационального принятия «своеобразия текущего момента» и нежелания воевать с ветряными мельницами. И при возможном изменении политической конъюнктуры «советский» запрос большинства «на сильную руку» довольно быстро может смениться массовой демократизацией.

Резюмируя разговор о причинах «советской ностальгии», можно заключить, что виток посткрымской внешнеполитической изоляции страны вкупе с падением уровня и качества жизни (в том числе и качества социальной солидарности) граждан оживили два наиболее популярных мифа о советском периоде: миф

о сильном государстве, объективированный в памяти о Победе, и миф о государстве всеобщего благосостояния и социальной солидарности, воплощённый в воспоминаниях о минимальных социальных гарантиях брежневской эпохи. Пока российским властям в ответ на оба этих социальных запроса удастся возвращать посредством СМИ и развлекательных медиа массовую ностальгию по советскому прошлому. Но насколько долго граждане будут соглашаться на имитацию социального благополучия, учитывая информационную открытость и агрессивную внешнеполитическую среду, предположить сложно. Уже сегодня очевидно, что внешнеполитическая изоляция только усугубляет внимание соседних восточноевропейских государств к «тёмным пятнам» коммунистической истории, что в ситуации центрирования российской властью «советской ностальгии» вокруг «мифа о Победе» повлечёт за собой новый, но уже заметно более жёсткий виток дипломатической изоляции России либо с неизбежностью вызовет – в отдалённом будущем – острую внутриполитическую дискуссию о советской истории и «советском мифе» как таковом.

Список литературы

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Антоновский А. Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности // Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 221–249.

Ариф Э. М. «Советские» бренды снова в цене [Электронный ресурс]: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: [веб-сайт]. Электрон. дан. 24.04.2014. URL: <https://www.hse.ru/news/121639412.html> (дата обращения: 06.12.2017).

«Бессмертный полк»: помним, гордимся, участвуем! [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 311023. 17.05.2016. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1024&q_id=70639&date=17.05.2015 (дата обращения: 06.12.2017).

Глуценко И. Гордые четыре буквы [Электронный ресурс]: Русский журнал. 09.03.2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gordye-chetyre-bukvy> (дата обращения: 06.12.2017).

Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.

Гудков Л. Советский человек в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.

Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Часть II // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (104). С. 13–61.

Гудков Л. Большой террор и репрессии [Электронный ресурс]: Левада-центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск. 07.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561> (дата обращения: 06.12.2017).

День Победы – праздник для всех. [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 2014. 04.05.2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112756> (дата обращения: 06.12.2017).

Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 68–84.

Зубов А. Советский человек пережил СССР [Электронный ресурс] // Ведомости. 21.11.2011. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/11/21/sovetskij_chelovek_perezhil_ssr (дата обращения: 06.12.2017).

Кагарлицкий Б. Загадка советского сфинкса // СССР: Жизнь после смерти / под ред. И. В. Глущенко, Б. Ю. Кагарлицкого, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 8–16.

«Каждому. По возможности». Россияне о коммунизме. Что хорошего и что плохого в коммунизме? И хотят ли россияне жить при таком строе? [Электронный ресурс]: ФОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск. 10.10.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11120> (дата обращения: 06.12.2017).

Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт. Советское прошлое как культурное наследие [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/ka2.html> (дата обращения: 06.12.2017).

Концерт, посвящённый воссоединению Крыма и Севастополя с Россией 18.03.2015. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. 18 марта 2015. URL <http://special.kremlin.ru/news/47878> (дата обращения: 06.12.2017).

Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Копосов Н., Хапаева Д. «Пожалейте, люди, палачей...» [Электронный ресурс]: Polit.ru.: [веб-сайт]. Электрон. дан. 21.11.2007. URL: <http://polit.ru/article/2007/11/21/stalinism/> (дата обращения: 06.12.2017).

Кусимова Т. Б Шмидт М. А Коммерциализация ностальгии: как продается «советское» на постсоветском рынке? // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы десятой международной конференции студентов и аспирантов (22–23 апреля 2016 года, Санкт-Петербург). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. С. 59–65.

Левада Ю. Сочинения. Проблема человека / Ю. А. Левада: [сост. Т. В. Левада]. Москва: Издатель Карпов Е. В., 2011. 526 с.

Левада Ю. «Человек советский». Публичные лекции на «Полит.РУ» [Электронный ресурс]: Polit.ru.: [веб-сайт]. Электрон. дан. 15.04.2004. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada> (дата обращения: 06.12.2017).

Мединский В. «Битва при Ельцине»: как нам учить уроки собственной истории [Электронный ресурс]: История России. Главный исторический портал страны: [веб-сайт]. Электрон. дан. 12.12.2016. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/book/bitva-pri-ieltsinie-kak-nam-uchit-uroki-sobstviennoi-istorii> (дата обращения: 06.12.2017).

Мухаметшина Е. Россияне стали безразличнее относиться к сталинским репрессиям [Электронный ресурс] // Ведомости. 23.05.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/23/690964-rossiyane-otnositsya-repressiyam> (дата обращения: 06.12.2017).

Общественное мнение о распаде СССР в странах постсоветского мира 1991–2016. [Электронный ресурс] // URL: http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2016/12/EM_2016_USSR_25.pdf (дата обращения: 06.12.2017).

Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. 30.10.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата обращения: 06.12.2017).

Память о Сталине: за и против [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 3423. 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (дата обращения: 06.12.2017).

Пивоваров Ю. С. О «советском» и путях его преодоления (статья первая). Советское Ueber alles // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 60–82.

Пивоваров Ю. С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 31–60.

Политические преследования 30–40 гг. XX века: мотивы и масштабы. [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 3481. 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116427> (дата обращения: 06.12.2017).

Правители [Электронный ресурс]: Левада–Центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск. № 3481. 15.02.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/15/15388/> (дата обращения: 06.12.2017).

Прямая линия с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. 16.04.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261/videos> (дата обращения: 06.12.2017).

Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. 18.03.2014а. URL: <http://eng.kremlin.ru/transcripts/6889> (дата обращения: 06.12.2017).

Путин В. Послание Федеральному Собранию. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. 04.12.2014б. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 06.12.2017).

«Пятый этаж»: Сталин и теперь живее всех живых? [Электронный ресурс]: BBC. Русская служба: [веб-сайт]. Электрон. дан. 15.02.2017. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38985656> (дата обращения: 06.12.2017).

Роль личностей в истории России [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. Пресс-выпуск. 20.01.2015. URL: (дата обращения: 06.12.2017).

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

«Советский» и «антисоветский»: что такое хорошо и что такое плохо? [Электронный ресурс]: ВЦИОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 1421. 01.02.2010. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13124> (дата обращения: 06.12.2017).

СССР: сказка о потерянном референдуме [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 3058. 16.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619> (дата обращения: 06.12.2017).

Сталинские репрессии [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск. 23.07.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskije-repressii/> (дата обращения 06.12.2017).

Сталинские репрессии: преступление или наказание? [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Пресс-выпуск № 3412. 05.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> (дата обращения: 06.12.2017).

Фигура Сталина в общественном мнении России [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск. 25.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/> (дата обращения 06.12.2017).

Эггерт К. Комментарий: Посмертная победа СССР [Электронный ресурс]: Deutsche Welle: [веб-сайт]. Электрон. дан. 20.04.2017. URL: <http://www.dw.com/ru/комментарий-посмертная-победа-ссср/a-38508610> (дата обращения: 06.12.2017).

Юдин Г. Хлевнюк Д. Две памяти. Как жители России помнят свою историю [Электронный ресурс]: Republic: [веб-сайт]. Электрон. дан. 30 января 2017. URL: <https://republic.ru/posts/79016> (дата обращения: 06.12.2017).

Back in the USSR? [Электронный ресурс]: ВИЦОМ: [веб-сайт]. Электрон. дан. Пресс-выпуск № 3274 23.12.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009> (дата обращения: 06.12.2017).

Дата поступления в редакцию: 30.10.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523

Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Historical Memory of Russians About the Soviet Period

Barash Raisa Eduardovna

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: raisabarash@gmail.com

Abstract. The author applies to the results of the monitoring sociological surveys in order to understand the reasons of involvement of some Soviet reminiscences into the everyday life of the citizens of Russia. It is noted in the article that data of sociological researches confirms as sincere sympathy of respondents to the Soviet past as the ongoing mythologization of the Soviet legacy by youngsters. Being agree with the idea that restoration of the Soviet attributes in Russians’ everyday life is the result of the authority’s policy, the author is trying to define the reasons of the rising popularity of the Soviet past. In the article it is offered to use the concept of the “post-memory” (authored by Marianne Hirsch) for the analyses of such tendencies. Applying to the post-memory concept the author however stress that “post-memory” about the Soviet past “works” for the memorialization not of tragic but just of the “emotionally colored” events of the past. The post-Soviet nostalgia is also generated and maintained by the state bureaucracy and media, that apply to the citizens’ family memory of the War. The deficit of critical revision of the Soviet period in Russia is combined with the lack of a critical attitude of Russians towards the crimes of

Stalinism. As the author argues such “unconsciousness” of the Russia’s citizens about the tragic pages of history is not a malicious denial. The “post-memory” of a few descendants of the survived victims of repression today is dissolving in the memory of those whose families just did not face those events.

Keywords: Identity; memory; post-memory; Marianne Hirsch; post-Soviet nostalgia.

REFERENCES

Abramov R. N. Muzeifikatsiya sovetского. Istoricheskaya travma ili nostal’giya? [The museumification of the Soviet. Historical trauma or nostalgia?]. *Chelovek*. 2013. № 5. P. 99–111. (In Russ.).

Antonovskij A. Yu. *Massmedia – transcendental’naya illyuziya real’nosti*. [The media – transcendental illusion of reality]. M.: Praksis publ., 2005. P. 221–249. (In Russ.).

Arif E. M. «Sovetskie» brendy snova v tsene. [Soviet brands in price again]. [Elektronnyy resurs]: Natsional’nyy issledovatel’skiy universitet Vysshaya shkola ekonomiki: [vweb-sayt]. Elektron. dan. 24.04.2014. URL: <https://www.hse.ru/news/121639412.html> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

«Bessmertnyy polk»: pomnim, gordimsya, uchastvuem! [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vweb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 311023. 17.05.2015. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1024&q_id=70639&date=17.05.2015 (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Figura Stalina v obshchestvennom mnenii Rossii. [The figure of Stalin in public opinion of Russia]. [Elektronnyy resurs]: Levada-Centr: [vweb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk 25.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshchestvennom-mnenii-rossii/> (data obrashcheniya 06.12.2017). (In Russ.).

Glushchenko I. *Gordye chetyre bukvy*. [Four proud letters]. [Elektronnyy resurs]. *Russkiy zhurnal*. 09.03.2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gordye-chetyre-bukvy> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Gudkov L. Ideologema vraga. «Vragi» kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokul’turnoy integratsii. [Ideologeme of the enemy. “Enemies” as mass syndrome and mechanism of sociocultural integration]. *Obraz vraga*. Sost. L. Gudkov; Ed. By N. Konradova. M.: OGI publ., 2005. P. 7–79. (In Russ.).

Gudkov L. Sovetskiy chelovek v sotsiologii Yuriya Levady. [The Soviet people in sociology Yuri Levada]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 2007. № 6. P. 16–30. (In Russ.).

Gudkov L. Vremya i istoriya v soznanii rossiyan. Chast’ II. [Time and history in the minds of Russians]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2010. № 2 (104). P. 13–61. (In Russ.).

Gudkov L. *Bol’shoy terror i repressii*. [The great terror and repression]. [Elektronnyy resurs]: Levada-tsentr: [vweb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk. 07.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Den’ Pobedy – prazdnik dlya vsekh. [Victory day – holiday for all]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vweb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 2014. 04.05.2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112756> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Dubin B. «Krovavaya» voyna i «velikaya» pobeda. [“Bloody” war and the “great” victory]. *Otechestvennye zapiski*. 2004. № 5 (20). P. 68–84. (In Russ.).

Eggert K. *Kommentariy: Posmertnaya pobeda SSSR*. [Review: the Posthumous victory of the Soviet Union]. [Elektronnyy resurs]: Deutsche Welle: [vweb-sayt]. Elektron. dan. 20.04.2017. URL: <http://www.dw.com/ru/kommentariy-posmertnaya-pobeda-sssr/a-38508610> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Kagarlitskiy B. Zagadka sovetskogo sfinksa. [The Soviet riddle of the Sphinx]. *SSSR: Zhizn' posle smerti*. Ed. by I. V. Glushchenko, B. Yu. Kagarlitskiy, V. A. Kurennoi; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki publ., 2012. P. 8–16. (In Russ.).

«Kazhdomu. Po vozmozhnosti». *Rossiyanе o kommunizme. Chto khoroshego i chto plokhogo v kommunizme? I khotyat li rossiyanе zhit' pri takom stroe?* [“Each. To the extent possible”. Russians about communism. What is good and bad in communism? And do the Russians want to live under such a system?]. [Elektronnyy resurs]: FOM: [vеb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk. 10.10.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11120> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Kalinin I. Nostal'gicheskaya modernizatsiya: sovetskoe proshloe kak istoricheskiy gorizont. Sovetskoe proshloe kak kul'turnoe nasledie. [Nostalgic modernization: the Soviet past as a historical horizon. The Soviet past as cultural heritage]. [Elektronnyy resurs]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2010. № 6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/ka2.html> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Kontsert, posvyashchennyi vossoedineniyu Kryma i Sevastopolya s Rossiey 18.03.2015. [Concert dedicated to the reunification of Crimea and Sevastopol with Russia 18.03.2015.]. [Elektronnyy resurs]: Prezident Rossii: [vеb-sayt]. Elektron. dan. 18 marta 2015. URL <http://special.kremlin.ru/news/47878> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Koposov N. *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii*. [The memory of a strict regime: History and politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2011. 320 p. (In Russ.).

Koposov N., Khapaeva D. «Pozhaleyte, lyudi, palachey...». [“Perhaps the people of the executioners...”]. [Elektronnyy resurs]: Polit.ru.: [vеb-sayt]. Elektron. dan. 21.11.2007. URL: <http://polit.ru/article/2007/11/21/stalinism/> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Kusimova T. B Shmidt M. A Kommertsializatsiya nostalgii: kak prodatsya “sovetskoe” na postsovetskom rynke? [Commercialization of nostalgia, are sold as “Soviet” in the post-Soviet market?]. *Konstruiruya «sovetskoe»? Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti: materialy desyatoy mezhdunarodnoy konferentsii studentov i aspirantov (22–23 aprelya 2016 goda, Sankt-Peterburg)*. SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge publ., 2016. P. 59–65. (In Russ.).

Levada Yu. *Sochineniya. Problema cheloveka*. [Works. The problem of man].: [sost. T. V. Levada]. Moskva: Izdatel' Karpov E. V. publ., 2011. 526 p. (In Russ.).

Levada Yu. «Chelovek sovetskiy». *Publichnye lektsii na «Polit.RU»*. [“The Soviet man”. Public lecture on “Polit.RU”]. [Elektronnyy resurs]: Polit.ru.: [vеb-sayt]. Elektron. dan. 15.04.2004. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Medinskiy V. «Bitva pri El'tsine»: kak nam uchit' uroki sobstvennoy istorii. [“The battle of Yeltsin,” how to teach the lessons of their own history]. [Elektronnyy resurs]: Istoriya Rossii. Glavnyy istoricheskiy portal strany: [vеb-sayt]. Elektron. dan. 12.12.2016. URL: <http://histrf.ru/biblioteka/book/bitva-pri-eltsinie-kak-nam-uchit-uroki-sobstvennoi-istorii> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Mukhametshina E. Rossiyanе stali bezrazlichnee otnosit'sya k stalinskim repressiyam. [The Russians were no matter to relate to Stalinist repression]. [Elektronnyy resurs]. *Vedomosti*. 23.05.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/23/690964-rossiyanе-otnositsya-repressiyam> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Obshchestvennoe mnenie o raspade SSSR v stranakh postsovetskogo mira 1991–2016. [Public opinion about the collapse of the Soviet Union in the post-Soviet countries 1991–2016]. [Elektronnyy resurs]. URL: http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2016/12/EM_2016_USSR_25.pdf (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Otkrytie memoriala pamyati zhertv politicheskikh repressiy «Stena skorbi». [The opening of the memorial of memory of victims of political repression “Wall of grief”]. [Elektronnyy resurs]: Prezident Rossii: [vеb-sayt]. Elektron. dan. 30.10.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/55948> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Pamyat' o Staline: za i protiv. [The memory of Stalin: for and against]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vėb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 3423. 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Pivovarov Yu. S. O «sovetskom» i putyakh ego preodoleniya (stat'ya pervaya). Sovetskoe Ueber alles. [On “Soviet” and ways of its overcoming (article first). Soviet Ueber alles]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014a. № 1. P. 60–82. (In Russ.).

Pivovarov Yu. S. O «sovetskom» i putyakh ego preodoleniya (stat'ya vtoraya). Chto delat'?: [O «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014b. № 2. P. 31–60. (In Russ.).

Politicheskie presledovaniya 30–40 gg. XX veka: motivy i masshtaby. [Political persecution 30–40s of the XX century: the motives and magnitude]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vėb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 3481. 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116427> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Praviteli. [Rulers]. [Elektronnyy resurs]: Levada–Tsentr: [vėb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk. № 3481. 15.02.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/15/15388/> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Pryamaya liniya s Vladimirom Putinyem. [Direct line with Vladimir Putin]. [Elektronnyy resurs]: Prezident Rossii: [vėb-sayt]. Elektron. dan. 16.04.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261/videos> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Putin V. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu.* [The President's Address To The Federal Assembly]. [Elektronnyy resurs]: Prezident Rossii: [vėb-sayt]. Elektron. dan. 18.03.2014a. URL: <http://eng.kremlin.ru/transcripts/6889> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Putin V. *Poslanie Federal'nomu Sobraniyu.* [The Address To The Federal Assembly]. [Elektronnyy resurs]: Prezident Rossii: [vėb-sayt]. Elektron. dan. 04.12.2014b. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

«Pyatyy etazh»: *Stalin i teper' zhivee vsekh zhivykh?* [Fifth floor: Stalin and lively all living now?]. [Elektronnyy resurs]: BBC. Russkaya sluzhba: [vėb-sayt]. Elektron. dan. 15.02.2017. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38985656> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Rol' lichnostey v istorii Rossii. [The role of personalities in the history of Russia]. [Elektronnyy resurs]: Levada–Tsentr: [vėb-sayt]. Press-vypusk. 20.01.2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/01/20/rol-lichnostey-v-istorii-rossii/> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. [Russian society and the challenges of time. The first book]. [M. K. Gorshkov i dr.]; Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2015. 336 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. [Russian society and the challenges of time. The second book]. [M. K. Gorshkov i dr.]; Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2015. 432 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya. [Russian society and the challenges of time. The fourth book]. [M. K. Gorshkov i dr.]; Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2016. 400 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. [Russian society and the challenges of time. The fifth book]. [M. K. Gorshkov i dr.]; Ed. By M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2016. 427 p. (In Russ.).

«Sovetskiy» i «antisovetskiy»: *что такое khorosho i что такое plokho?* [“Soviet” and “anti-Soviet”: what is good and what is bad?]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vzb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 1421. 01.02.2010. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13124> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

SSSR: skazka o poteryannom referendume. [USSR: the tale of a lost referendum]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vzb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 3058. 16.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Stalinskie repressii. [Stalin's repressions]. [Elektronnyy resurs]: Levada-Tsentr: [vzb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk. 23.07.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/> (data obrashcheniya 06.12.2017). (In Russ.).

Stalinskie repressii: prestuplenie ili nakazanie? [Stalin's repressions: crime or punishment]. [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vzb-sayt]. Press-vypusk № 3412. 05.07.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Yudin G. Khlevnyuk D. *Dve pamyati. Kak zhiteli Rossii pomnyat svoyu istoriyu.* [Two memory. As the Russians remember their history]. [Elektronnyy resurs]: Republic: [vzb-sayt]. Elektron. dan. 30 yanvarya 2017. URL: <https://republic.ru/posts/79016> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Zubov A. *Sovetskiy chelovek perezhil SSSR.* [The Soviet people survived the Soviet Union]. [Elektronnyy resurs]. *Vedomosti.* 21.11.2011. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/11/21/sovetskij_chelovek_perezhil_sssr (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Back in the USSR? [Elektronnyy resurs]: VTsIOM: [vzb-sayt]. Elektron. dan. Press-vypusk № 3274 23.12.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009> (data obrashcheniya: 06.12.2017). (In Russ.).

Date received by 30.10.2017.